

Быть достойным своих героев

СПЕКТАКЛЬ шел в старом составе. Заменяли только одного актера — Марка Захарова. И зрители это оговорили. Они с пристрастием следили за новым исполнителем, отмечая его промахи. Возможно, он играл неплохо, но все-таки не мог идти в сравнение с их любимцем. Так им казалось.

Вскоре стало известно, что замена была не случайной. Марк Захаров навсегда оставил Пермь. «Периферия», так щедро награждавшая его аплодисментами, оказалась для него «пройденным этапом».

За две недели до этого на стол главного режиссера т. Михайлова легли четыре заявления. Группа молодых актеров — Захаров, Лапшинова, Томкевич и Шкодин — потребовала освободить их от работы. Они не захотели дожидаться даже конца сезона.

Невольной напрашивалась мысль, что молодежь в театре создана нетерпимые условия для творчества. Иначе зачем понадобилось в разгар сезона уходить из театра?

Нет, коллектив работал нормально. Может быть, и возникали споры, разногласия во время репетиций. Но это были творческие споры, без которых немислимо искусство. Объективных причин, вынуждающих так поспешно оставлять коллектив, не существовало. Каждый уходил из-за каких-то своих, сугубо личных соображений.

В заявлении Марка Захарова, например, убедительно доказывалось, что он болен, нуждается в отдыхе. И хотя театр предоставлял ему и отпуск, и путевку в санаторий, актер настаивал только на увольнении. Почему? Кое-где он туманно намекал на неудовлетворенность режиссурой, порядками в театре. Но вряд ли эта причина была истинной. Раньше он никогда ни на что не жаловался, не помышлял об уходе. Что-то вдруг потянуло его в Москву. Возможно, перспектива перемочевать в столичный театр.

Вслед за мужем подала заявление Лапшинова. Не разбивать же семью. Против такой причины трудно было возражать.

Игорь Томкевич захотел съездить в Ленинград на пробные съемки в кино. Когда выяснялось, что интересы театра приспособить к его собственным не удастся, он подал заявление об уходе.

Задумал проститься с коллективом и еще один молодой актер — Шкодин, по причинам, известным лишь ему одному.

Правда, погрозили уходом, Шкодин и Томкевич остались в театре. Чета же Захаровых

благополучно отбыла из нашего города.

Каждый из четверых был озабочен устройством личных дел, каждый хлопотал лишь о себе. О том, как отразится это на товарищах, на коллективе, они нисколько не заботились.

Уход артиста в середине сезона никогда не проходит для театра безболезненно. Нужно срочно вводить новых исполнителей, делать перестановки, менять расписания. Надолго нарушается ритм работы. И не случайно театральная этика не допускает увольнения актеров во время сезона.

Особенно чувствительным был удар по коллективу Пермского театра на этот раз. К открытию XXI съезда КПСС готовилось параллельно два спектакля — «Братья Ершовы» и «Бронепоезд 14-69». Люди работали с большим напряжением. Репетиции затянулись до позднего вечера. Подать заявление в такое время было равносильно дезертирству.

Кроме эгоистичного «хочу», существует еще и «должен», «обязан». Существует чувство ответственности, уважения к интересам других. Этих-то качеств, без которых немислимо настоящим человеком, молодым артистам явно недостает.

А допустим, оказался бы он в трудных условиях, скажем на целине, как их герои из спектакля «Товарищи романтики», в котором были заняты все четверо. Холодные ветры, неустойчивость с жильем, тяжелая работа. Пожалуй, не устояли бы, собрали узелки — и в обратный путь. На целине ведь потрудней чем в Пермском театре.

Героям спектакля очень трудно, они тоскуют по дому. Девочки даже плачут уткой. Плачут, а все-таки остаются воевать с целиной.

Отношение к жизни у актеров и их героев оказывается разным. У одних — благородное, честное, у других — потребительское. Одни — романтики, другие — молодые обыватели, пекущиеся лишь о собственном благе.

Возникает серьезный вопрос о моральном праве актеров говорить со зрителем от имени положительных героев. О праве выносить приговор героям отрицательным, как это делал Марк Захаров в роли труса, бежавшего с целины.

Так же, как преподаватель в школе, актер должен быть во всем безупречен. Во всем, начиная от убеждений, кончая внешним обликом — манерой одеваться, держать себя в обществе. Ведь подобно учи-

телю, артист воспитывает людей, помогает понять, что хорошо, что плохо. Как же сможет он это делать, если сам не признает того, что проповедует, если свою жизнь строит по иному образцу.

Вопрос об увольнении актеров решался не только в стенах режиссерского и директорского кабинетов. Его вынесли на широкое обсуждение всего коллектива. Горячо, взволнованно высказывались артисты, много лет отдавшие театру. А вот молодежь, как ни странно, отмалчивалась.

И на комсомольском собрании, которое собралось только по требованию райкома ВЛКСМ, тоже говорили вяло, невнятно. Трудно было понять: то ли у комсомольцев и их секретаря О. Тесленко не хватает смелости высказаться прямо, то ли они разделяют точку зрения Захарова, Лапшиновой — «каждый сам за себя».

Комсомольская организация в Пермском драмтеатре вообще отличается предельной «либеральностью». Взаимные комплименты и восхищение талантами друг друга подменили серьезную, вдумчивую работу. Ни то, как молодые актеры относятся к творчеству, ни их моральный облик ни разу не стали предметом внимания комсомольской организации.

И то, что в самое горячее время четверо молодых подали заявления об увольнении, что они на первый план поставили личные интересы, — несомненно результат плохой воспитательной работы комсомольской организации театра.

А. НАРОДНИЦКАЯ.

— 1 ФЕВ 1959

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
г. Пермь